

ние является офертой, то в национальном законодательстве такое положение не закреплено. Вместе с тем в соответствии с общими положениями п. 2 ст. 405 ГК срок отзыва оферты весьма ограничен, фактически делая невозможным отказ от отчуждения доли. На наш взгляд, данное уведомление не стоит понимать как оферту, так как преимущественное право покупки не имеет характера права требования, а заключение договора с обладателем преимущественного права не является обязанностью продавца;

- в Законе «О хозяйственных обществах» четко не регламентированы правовые последствия ответа на извещение о продаже доли и не определен момент заключения договора с лицом, реализующим свое преимущественное право при получении им согласия на продажу доли (части доли) именно ему;

- Закон не регламентирует ситуацию, которая может возникнуть, если обладатель преимущественного права захочет приобрести только часть причитающегося ему размера отчуждаемой доли (как это имеет место в рамках отношений между акционерами закрытого акционерного общества). Толкование норм законодательства не исключает вариант, когда реализация преимущественного права связывает продавца обязанностью произвести отчуждение только в отношении части доли. По нашему мнению, если рассматривать предложение участника общества как вызов на оферты, то соглашаться с предложением лица, реализующего свое преимущественное право покупки, только в части предлагаемой доли есть право, а не обязанность продавца;

- в отношении сроков защиты преимущественных прав можно сделать вывод о том, что предусмотренный ч. 7 ст. 98 Закона «О хозяйственных обществах» трехмесячный срок, является специальным пресекательным сроком исковой давности и исчисление данного срока следует вести с того дня, когда обладатель преимущественного права узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Ю. В. Шапорова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Институт недействительности сделок известен давно, однако в науке гражданского права до сих пор не существует единого мнения по вопросу о понятии и правовой природе недействительных сделок. Критический анализ имеющихся место в специальной литературе весьма противоречивых точек зрения о правовой природе недействительных сделок и их месте в системе юридических фактов приводит к выводу о том, что недейст-

вительная сделка есть сделка, но в то же время содержит и признаки правонарушения, так как она нарушает норму права, что влечет применение гражданско-правовых санкций. Данная позиция не вступает в противоречие с легальной концепцией сделки. Определение сделки, данное в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), не содержит указаний ни на характер действия (правомерное оно или нет), ни на ее последствия. Не сказано, что сделкой является действие, влекущее за собой правовые последствия, желаемые сторонами (такой вывод обычно делается из негативного определения, данного в п. 1 ст. 168 ГК: недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью).

Исходя из буквального толкования положений ГК, можно прийти к заключению, что сделками являются и действительные, и недействительные сделки, главное – направленность на возникновение, изменение, прекращение правоотношений. Действительные сделки порождают правовые последствия, желаемые сторонами, а недействительные – те последствия, которые указаны в законодательном акте. Другими словами, недействительные сделки приводят к определенным последствиям, связанным с устранением последствий ее недействительности.

Поскольку недействительные сделки имеют основополагающий волевой признак, необходимый для сделок, – направленность действий на возникновение правового результата (данный признак есть у всех недействительных сделок, кроме мнимых), причем, как на наш взгляд, правильно отмечают некоторые авторы, от наличия данной направленности зависит как наступление желаемых сторонами правовых последствий, так и наступление отрицательных правовых последствий, то недействительные сделки следует считать именно сделками, а не иными правовыми явлениями. Кроме того, само по себе употребление термина «недействительная сделка» означает, что сделка может быть как действительной, так и недействительной, и исключает противопоставление сделок и недействительных сделок. Исходя из этого следует признать, что данная конструкция вполне адекватно отражает суть сделки как таковой, потому имеет право на использование в законодательстве, доктрине права и практике правоприменения.

Вместе с тем в основе недействительной сделки лежит действие (юридический факт), хотя и направленный на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, но не дозволенный законодательством и не порождающий тех правовых последствий, которые желали субъекты, влекущий иные для сторон правовые последствия. Это роднит недействительную сделку с правонарушением, влечет применение гражданско-правовых санкций, так как нарушаются права и интересы субъектов гражданского права.

Таким образом, логично утверждать, что недействительная сделка по форме и направленности есть сделка, а по содержанию и правовым последствиям – гражданское правонарушение, влекущее применение гражданско-правовых санкций.

ПОНЯТИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Е. В. Кубрак

Белорусский государственный экономический университет

Многие специалисты, рассматривая проблему оспаривания реорганизации хозяйственных обществ, оперируют таким понятием как «недействительность реорганизации». Причем исковые требования о признании недействительности реорганизации встречаются в судебной практике Республики Беларусь, а также особенно часто в судебной практике Российской Федерации. Д. И. Степанов, рассматривая проблему недействительности реорганизации, отмечает необходимость законодательного закрепления оснований признания реорганизации недействительной: это должны быть грубейшие, носящие неустранимый характер нарушения законодательства. В качестве примера таких нарушений, дающих право обратиться в суд с иском о признании реорганизации недействительной, называется, в частности, неуведомление кредиторов. Однако высказывается и иная точка зрения. Как отмечает Е. П. Дивер, заявление искового требования о признании реорганизации недействительной некорректно с терминологической точки зрения, так как реорганизация представляет собой процедуру перемены участников правоотношения. Представляется, что возможность признания реорганизации недействительной есть исключительное следствие рассмотрения реорганизации хозяйственных обществ как гражданско-правовой сделки. Если допустить, что реорганизация является сделкой в понимании ст. 153 ГК Республики Беларусь, то правомерно и существование недействительной реорганизации (как сделки) в понимании ст. 168 ГК. Получается, что реорганизация, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна (ст. 169 ГК). В литературе отмечается, что несоблюдение правила об уведомлении кредиторов может привести к признанию реорганизации недействительной на основании ст. 169 ГК, если это повлекло нарушение законных прав и интересов кредиторов. В таком случае рассмотрение реорганизации как сделки допускает в случае ее ничтожности предъявление требований о применении последствий недействительности сделки и без предъявления самостоятельного иска о признании ее ничтожной (п. 1 ст. 167 ГК). Кроме того, при недействительности оспоримой реорганизации можно применять все последствия, перечисленные в ст. 168 ГК.